

Немножко Финляндии

По одну сторону вагона тянется без конца рыжее, кочковатое, снежное болото, по другую - низкий, густой сосняк, и так - более полусуток. За Белоостровом уже с трудом понимают по-русски. К полудню поезд проходит вдоль голых, гранитных громад, и мы в Гельсингфорсе.

Так близко от С.-Петербурга, и вот - настоящий европейский город. С вокзала выходим на широкую площадь, величиной с половину Марсова поля. Налево - массивное здание из серого гранита, немного похожее на церковь в готическом стиле. Это новый финский театр. Направо - строго выдержанный национальный Atheneum. Мы находимся в самом сердце города.

Идем в гору по Michelsgatan. Так как улица узка, а дома на ней в четыре-пять этажей, то она кажется темноватой, но тем не менее производит нарядное и солидное впечатление. Большинство зданий в стиле модерн, но с готическим оттенком. Фасады домов без карнизов и орнаментов; окна расположены несимметрично, они часто бывают обрамлены со всех четырех сторон каменным гладким плинтусом, точно вставлены в каменное паспарту. На углах здания высятся полукруглые башни, над ними, так же как над чердачными окнами, островерхие крыши. Перед парадным входом устроена лоджия, нечто вроде глубокой пещеры из темного гранита, с массивными дверями, украшенными красной медью, и с электрическими фонарями, старинной, средневековой формы, в виде ящиков из волнистого пузыристого стекла.

Уличная толпа культурна и хорошо знает правую сторону. Асфальтовые тротуары широки, городские стройны, скромно щеголеваты и предупредительно вежливы, на извозчиках синие пальто с белыми металлическими пуговицами, нет крика и суеты, нет разносчиков и нищих.

Приятно видеть в этом многолюдье детей. Они идут в школу или из школы: в одной руке книги и тетрадки, в другой коньки; крепкие ножки, обтянутые черными чулками, видны из-под юбок и штанишек по колено. Дети чувствуют себя настоящими хозяевами города. Они идут во всю ширину тротуара, звонко болтая и смеясь, трепля рыжими косичками, блестя румянцем щек и голубизною глаз. Взрослые охотно и бережно дают им дорогу. Так повсюду в Гельсингфорсе. Мне кажется, можно смело предсказать мощную будущность тому народу, в среде которого выработалось уважение к ребенку. Я невольно вспоминаю рассказ моего хорошего приятеля, доктора Андреева, о японских детях. Рассказ относится ко времени задолго до русско-японской войны:

"Идет, представьте себе, по самой людной улице в Нагасаках этакий огарыш, лет пяти-шести, в отцовском цилиндре, надвинутом чуть не по плечи, в туфлях и в керимоне. Но керимон распахнут настежь, и под ним ровно ничего нет, кроме прелестного, голого, загорелого детского тельца. Малыш небрежно шествует посередине тротуара с потухшей папироской в зубах, не обращая ни малейшего внимания на человеческую суету вокруг себя. Никому даже в голову не придет толкнуть его, или рассердиться, или просто выразить нетерпение. Вот нагоняет его взрослый японец - деловой, торопливый, запыхавшийся человек. Ребенок в уличной давке окончательно застопорил всем дорогу. Взрослый мечется налево-направо - ничего не выходит. Тогда, смеясь, хватает он мальчугана под мышки, несет его с десяток-два шагов, пока не найдется свободного места, шутиливо переворачивает его вокруг себя, ставит бережно к стенке и поспешно идет дальше. А ребенок не только не выражает испуга или недоверия - нет, он даже не потрудился взглянуть, кто это заставил его совершить воздушное путешествие, - до того он уверен в своей безопасности и в неприкосновенности своей священной особы, и так всецело занят он своей потухшей папироской".

Не могу я не вспомнить при этом, как однажды осенью мы собирались везти из деревни в Петербург одну очень хорошо мне знакомую девицу трех с половиной лет. Она плакала и кричала в отчаянии:

- Не хочу ехать в Петербург! Там все толкаются и все гадко пахнут. Для меня вот такие живые мелочи дороже самых убедительных статистических цифр. В них мелькает настоящая душа народа.

Стоит, например, посмотреть, как летом, в полдень, возвращаются из Петербурга по железной дороге финские молочницы. На каждой станции, вплоть до Перки-ярви, высыпает они веселыми гурьбами с множеством пустых жестяных сосудов, перекинутых по обе стороны через плечо. И каждую из женщин уже дожидаются на платформе свои. Кто-нибудь помогает ей сойти со ступенек вагона, другой - муж или брат - предупредительно освобождает ее от ноши, домашний пес вертится тут же, прыгает передними лапами всем на платье, возбужденно лает и бурно машет пушистым хвостом, завернутым девяткой.